

И.Ю. КИСЕЛЕВ, Е.В. МИХАЙЛОВА, А.Г. СМИРНОВА

АССОЦИАТИВНЫЙ ОБРАЗ «ЖИЗНИ НА ПЕНСИИ» VS АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ (по материалам проективного опроса)

КИСЕЛЕВ Игорь Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой (igkisselev@mail.ru); МИХАЙЛОВА Елена Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент (nmev649@mail.ru); СМИРНОВА Анна Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент (agsmirnova2001@mail.ru). Все – кафедра социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия.

Аннотация. Ассоциативное поле «жизни на пенсии» получено методом свободных ассоциаций в ходе социологического исследования, проведенного в апреле – июне 2023 г. сотрудниками кафедры социологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова среди жителей Ярославской области трудоспособного возраста (N = 652). Ассоциативный образ «жизни на пенсии» рассматривается в контексте социальной концептуализации личного будущего. Он характеризуется содержательной и эмоционально-оценочной амбивалентностью. Значимые позиции в ядре ассоциативного поля занимают ассоциаты, связанные с личными экзистенциальными ценностями («спокойствие», «отдых», «время для себя»); существенна также доля упоминаний «традиционных» ассоциатов пенсионного периода («внуки», «дача», «болезни», «старение», «полезное хобби»). Сделан вывод о незначительном, фрагментарном соответствии ассоциативного образа собственной жизни на пенсии постулатам концепции активного долголетия. Наиболее очевидным контрастом является нежелание вести какую-либо трудовую деятельность по достижении пенсионного возраста.

Ключевые слова: ассоциативный образ • метод свободных ассоциаций • образ жизни на пенсии • Концепция политики активного долголетия • модели старения

DOI: 10.31857/50132162524050073

Стремительное увеличение доли пожилых людей трансформирует конфигурацию общественных отношений, вынуждая представителей всех возрастов по-новому взглянуть на процесс старения и на социальную роль пенсионера. Связанные с этим актуальные направления и векторы развития социальной политики российского государства обозначены в Концепции политики активного долголетия¹. Она реализована в «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года»² и в национальном проекте «Демография»³ в рамках федерального проекта «Старшее по-

Статья подготовлена в рамках внутреннего инициативного проекта (ВИП) ЯрГУ «Трудовые, финансовые, здоровьесберегающие стратегии представителей разных возрастных групп в условиях реформирования пенсионной системы в России» (проект VIP-020).

¹ Старшее поколение – ресурс будущего. Комплексный подход к активному долголетию: экспертный доклад. М., 2023. URL: https://национальныепроекты.рф/upload/starsee-pokolenie/doklad_starsee_pokolenie_new-3.pdf (дата обращения: 24.03.2024).

² Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/2> (дата обращения: 24.03.2024).

³ Национальный проект «Демография». Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 24.03.2024)

коление»⁴. Концепция политики активного долголетия в России основывается на принципах соблюдения прав человека в отношении граждан старшего поколения; равноправного партнерства гражданина, семьи, общества и государства; личной ответственности человека за свою жизнь; формирования положительного образа старения в обществе; включенности граждан старшего поколения во все сферы жизни общества; гибкости и многофункциональности политики активного долголетия⁵. Согласно новой парадигме социальной политики в отношении пожилых людей, они перестают рассматриваться исключительно как объекты заботы, а предстают как активно действующие субъекты, вовлеченные во все сферы жизни наряду с представителями других поколений. Прежде всего, пожилые рассматриваются как обладатели весомого и незаменимого человеческого капитала, представленного профессиональным мастерством, уровнем образования, жизненным опытом в социально-трудовой сфере [Рушева, 2021]. Важно также отметить участие пожилых в поддержании связей между поколениями. В работах социологов подчеркивается высокая роль пожилых в функционировании семьи как системы [Саралиева, 2022]. Кроме того, они могут транслировать молодым поколениям разделяемые ценности [Новиков, Быканова, 2017]. Таким образом, как отмечают В.Н. Барсуков и О.Н. Калачикова, «первостепенной становится задача по созданию благоприятных условий для увеличения включенности представителей старшего поколения в общественно полезную деятельность» [Барсуков, Калачикова, 2021]. Принципы политики активного долголетия призваны создать подобные условия.

Закономерен вопрос: как концепт активного долголетия воспринят современными россиянами, насколько составляющие его ценности и принципы органичны для современного российского общества.

Наряду с восприятием транслируемых нормативных моделей жизни на пенсии происходит стихийная социальная концептуализация пенсионного периода как особого периода жизни на основе диалога о его специфике, ценностях, смыслах, границах нормы. Под социальной концептуализацией пенсионного периода нами понимается его содержательное осмысление и интерпретация социумом. Можно предполагать, что пенсионный период жизни как личная перспектива осознается и планируется под влиянием таких факторов, как опыт старших поколений, направленность общественной и государственной риторики. Социальная концептуализация пенсионного периода, с одной стороны, предполагает индивидуальное «переопределение» по отношению к опыту более старших поколений, а с другой стороны, попытки «примерить на себя» новые прогрессивные модели старения, сочетающиеся в том числе с принципами активного долголетия.

Методология исследования. Цель исследования – выявить ассоциативные доминанты социальной концепции пенсионного периода на основе ассоциатов, полученных у респондентов трудоспособного возраста. Предполагается, что поле свободных ассоциаций к понятию «жизнь на пенсии» выражает важные аспекты социальной концептуализации этой жизни как образа личного будущего. Таким образом, предметом исследования стал проективный ассоциативный образ жизни на пенсии как картина личного будущего представителей разных поколений россиян.

Ассоциативные проективные методики применялись российскими социологами для выявления отношения к пожилым людям [Ляликова и др., 2023], анализа возрастных различий в социальных репрезентациях пенсионного периода [Чуйкова, Польшкина, 2012]. В данном исследовании контуры образа жизни на пенсии не были сконструированы заранее и не предлагались респондентам в качестве готовых альтернатив, а самостоятельно выдвигались участниками исследования в ходе свободного ассоциативного эксперимента.

⁴ Федеральный проект «Старшее поколение». Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/3> (дата обращения: 24.03.2024)

⁵ Старшее поколение – ресурс будущего. С. 4. URL: https://национальныепроекты.рф/upload/starshee-pokolenie/doklad_starshee_pokolenie_new-3.pdf (дата обращения: 25.03.2024).

Применение ассоциативных проективных методик позволяет снизить нормативное давление на респондента, минимизировать эффект «отформатированности» ответа способом задавания вопроса.

Задачи исследования – проанализировать полученные ассоциативные доминанты в контексте принципов активного долголетия, проследив влияние пола, возраста и уровня материального благосостояния. Кроме того, представлялось важным выявить, насколько важную роль играют транслируемые СМИ модели старения, как они соотносятся с наблюдениями за собственным социальным окружением.

Респондентов в трудоспособном возрасте (от 18 до 62 лет у мужчин и до 57 лет у женщин) просили назвать любые три ассоциации к стимулу «жизнь на пенсии» и указать модальность каждой из них, выбрав из вариантов «позитивная», «негативная», «нейтральная». Метод свободных ассоциаций реализован в ходе исследования по проекту «Трудовые, финансовые, здоровьесберегающие стратегии представителей разных возрастных групп в условиях реформирования пенсионной системы в России», проведенного сотрудниками кафедры социологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова в апреле – мае 2023 г. в Ярославской области. Проведено 652 личных интервью с использованием авторского опросника. В выборочной совокупности обеспечено выравнивание по полу и возрастным подгруппам. Проективный вопрос об ассоциациях содержался в начальной части интервью, чтобы избежать пересечения ассоциатов с ответами на последующие вопросы о различных аспектах подготовки к пенсии.

При кодировании полученные ассоциаты объединены в укрупненные группы по принципу смыслового сходства. На первом этапе зафиксированы 52 смысловые группы ассоциатов с частотой упоминаний от 0,5 до 19,6%. К ядру отнесены группы ассоциатов с частотой упоминаний от 4,0 до 19,6% (табл. 1). На втором этапе кодирования произведена дополнительная семантическая группировка ассоциатов путем их отнесения к определенной тематической области, во вторую классификацию помимо ядерных попали периферийные ассоциаты с частотой упоминаний менее 4,0% (табл. 2). Методика обработки первичных ассоциаций аналогична двум первым этапам формирования «пирамид обобщений» [Татарова, Чиркова, 2004]. Представлялось важным сохранить при кодировании лексические особенности и логику респондентов, поэтому в каждой группе ассоциатов представлено несколько схожих по смыслу формулировок, которые намеренно не сведены к одной.

Для понимания содержательной специфики ассоциативного образа жизни на пенсии в различных социальных группах отдельные ассоциаты ядерной группы представлены в разбивке по половозрастным группам, а также по группам, выделенным в соответствии с самооценкой материального положения (табл. 5, 6).

Содержание ассоциативного поля «жизнь на пенсии». Ядро ассоциативного поля «жизнь на пенсии» представлено 17 группами ассоциатов. Оно характеризуется высокой плотностью: это свидетельствует, что в общественном сознании сформировались устойчивые, широко разделяемые, в значительной степени стереотипизированные представления о жизни на пенсии.

Неожиданностью стало доминирование в ядре ассоциативного поля ассоциатов, связанных с позитивным душевным состоянием, экзистенциальными ценностями и личностными возможностями, которые связываются с жизнью на пенсии, – наряду с финансовыми ограничениями и такими вполне ожидаемыми атрибутами, как дача и огород, внуки, болезни, потеря сил, рукоделие, чтение. По частоте упоминаний лидирует спокойствие, «жизнь без забот», «душевный покой». Третью и четвертую позиции занимают отдых и свободное время, «время для себя». Девятую позицию занимает свобода. Как видим, респонденты задумываются не только о том, на что и как они будут жить на пенсии, но и о том, что они будут ощущать, каковы могут быть экзистенциальные смыслы пенсионного возраста как нового жизненного этапа.

Распределение ассоциатов по модальности восприятия, с одной стороны, указывает на количественное преобладание оптимистичного восприятия жизни на пенсии. По всем трем позициям преобладают ассоциаты, которые сами респонденты оценили как

Таблица 1

**Ядро ассоциативного поля к стимулу «жизнь на пенсии»,
по трем самостоятельно названным ассоциатам, в % от количества опрошенных**

Ассоциаты	Общая частота упоминаний / модальность *	Частота упоминаний на первой позиции	Частота упоминаний на второй позиции	Частота упоминаний на третьей позиции
Спокойствие, умиротворение, безмятежность, беспечность, «жизнь без забот», «душевный покой»	19,6 (+)	9,8	4,5	5,4
Бедность, безденежье	19,5 (-)	7,2	7,1	5,2
Отдых, «заслуженный отдых», «релакс»	19,0 (+)	9,2	5,2	4,6
Свободное время, «время для себя»	18,7 (+)	6,6	6,9	5,2
Внуки, возможность проводить время с внуками, помочь детям с воспитанием внуков	17,6 (+)	5,4	5,5	6,7
Дача, огород, дом в деревне, за городом, приусадебное хозяйство, рассада, цветоводство	17,5 (+)	5,4	6,8	5,4
Болезни, ухудшение здоровья, потеря сил, слабость, «немошь», физическая беспомощность	12,9 (-)	2,8	4,6	5,5
Хобби, рукоделие, возможность заниматься любимым делом, чтение, вязание, просмотр фильмов, «ходить в театр», рыбалка, охота	12,3 (+)	2,0	5,1	5,2
Свобода	11,3 (+)	5,7	2,6	3,1
Старость, старение	8,9 (-)	4,0	2,9	2,0
Одиночество, «сужение круга общения»	8,4 (-)	3,1	2,9	2,6
Путешествия	7,8 (+)	2,3	3,1	2,5
Страх	5,2 (-)	2,6	1,4	1,2
Скука	4,9 (-)	2,0	1,5	1,4
Безысходность, бесперспективность, отчаяние, «некуда деваться»	4,4 (-)	1,1	2,1	1,2
Тревога, тревожность	4,3 (-)	1,8	1,8	0,6
Маленькая пенсия, жизнь «от пенсии до пенсии», «пенсия маленькая, но хорошая»	4,0 (-)	1,8	0,9	1,2

Примечание. *Здесь и далее знак «+» в скобках означает преобладание позитивных оценок по данному ассоциату, знак «-» – негативных, «н» – нейтральных, «+н» – равное соотношение позитивных и негативных оценок.

позитивные – 54,6% среди ассоциаций, упомянутых первыми, 53,4 и 51,4% среди вторых и третьих. С другой стороны, высокая доля негативных оценок (35,1% на первой позиции упоминаний, 36,8 и 31,6% – на второй и третьей) не позволяет игнорировать амбивалентность восприятия образа жизни на пенсии, у которого помимо позитивных есть отчетливо выраженные негативные характеристики.

Если рассматривать отдельно взятые ассоциаты, то по каждому из них⁶ отмечается вполне ожидаемая модальность восприятия с высокой согласованностью оценок:

⁶ Единственное исключение составляет периферийная группа ассоциатов «пенсия, пенсионные выплаты» с общей долей упоминаний 1,8%, позитивные, негативные и нейтральные оценки здесь распределены поровну.

спокойствие, отдых, свободное время, дача и внуки воспринимаются однозначно позитивно; бедность, болезни, старость, ухудшение здоровья – негативно. Преобладания нейтральной модальности не зафиксировано ни по одной группе ассоциатов.

В целом позитивная перспектива жизни на пенсии видится в долгожданном отдыхе, освобождении от груза забот, возможности жить размеренно и спокойно, а также в традиционных для российских пенсионеров объектах приложения времени и сил – внуках, даче, полезных хобби. Важно отметить, что в ряду позитивно окрашенных ассоциаций присутствуют ассоциаты, в той или иной степени отражающие ценности нового подхода к старению, – «время для себя», «возможность заниматься любимым делом, на которое раньше не хватало времени», путешествия. Ранее другими исследователями были выявлены аналогичные паттерны восприятия пенсионного периода. В частности, представители белорусской молодежи ассоциируют старость в том числе с большим количеством свободного времени, в котором нереализованные ранее личные потребности могут быть наконец-то осуществлены. Выдвинута объяснительная модель противоречивости представлений молодежи о старости, согласно которой молодые люди акцентируют внимание на тех транслируемых обществом характеристиках старости, которые отвечают их личностным особенностям [Татарко, 2018].

Таблица 2

**Семантическая группировка ассоциатов на стимул «жизнь на пенсии»,
в % от количества опрошенных**

Тематические блоки ассоциатов и их элементы	Частота упоминаний / модальность
<i>Эмоциональные состояния, чувства, личностные установки по отношению к пенсионному периоду</i>	
Спокойствие, умиротворение, безмятежность, беспечность, «жизнь без забот», «душевный покой»	19,6 (+)
Страх	5,2 (–)
Скука	4,9 (–)
Безысходность, бесперспективность, отчаяние, «некуда деваться»	4,4(–)
Тревога, тревожность	4,3 (–)
Грусть, тоска	3,8 (–)
Радость, счастье, «кайф», наслаждение	3,1(+)
Безразличие, безэмоциональность, апатия, нежелание что-либо делать	2,1(–)
Саморазвитие, самореализация	1,8 (+)
Интерес, любопытство	1,7 (+)
«Новый этап жизни»	1,5 (+)
Принятие	1,2 (+)
Вдохновение	0,9 (+)
<i>Материальные условия, социальное самочувствие</i>	
Бедность, безденежье	19,5 (–)
Маленькая пенсия, жизнь «от пенсии до пенсии», «пенсия маленькая, но хорошая»	4,0 (–)
Экономия, «выживание», «считать мелочь», «поиск выгодных продуктов»	2,1 (–)
Нищета, голод	2,0 (–)
Пенсия, «пенсионные выплаты»	1,8 (+–)
Стабильность, благополучие, «надежность»	1,8 (+)
Стабильный доход	1,7 (+)

Продолжение таблицы 2

Тематические блоки ассоциатов и их элементы	Частота упоминаний / модальность
<i>Свободное время, свобода как экзистенциальные ценности</i>	
Отдых, «заслуженный отдых», «релакс»	19,0 (+)
Свободное время, «время для себя»	18,7 (+)
Свобода	11,3 (+)
«Жить для себя», «жить в свое удовольствие»	2,3 (+)
Размеренный темп жизни	2,1 (+)
«Нечем заняться», «безделье», «никчемность»	1,1 (-)
<i>Предполагаемые виды деятельности на пенсии</i>	
Внуки, возможность проводить время с внуками, помочь детям с воспитанием внуков	17,6 (+)
Дача, огород, дом в деревне, за городом, приусадебное хозяйство, рассада, цветоводство	17,5 (+)
Хобби, рукоделие, возможность заниматься любимым делом, чтение, вязание, просмотр фильмов, «ходить в театр», рыбалка, охота	12,3 (+)
Путешествия	7,8 (+)
Здоровый образ жизни, забота о здоровье, активный отдых, прогулки, скандинавская ходьба	3,2 (+)
Работа, «все равно придется работать»	2,9 (-)
Дом, домашнее хозяйство, домашние дела, уют	1,7 (+)
Сон, «спать, сколько захочется»	1,1 (+)
«Животные», «завести собаку», «коты»	1,1(+)
Море, «жизнь на море»	0,8 (+)
«Скамейка», «сидеть у подъезда и обсуждать людей»	0,5 (-)
<i>Семья, другие социальные связи, интегрированность в социум</i>	
Внуки, возможность проводить время с внуками, помочь детям с воспитанием внуков	17,6 (+)
Одиночество, «сужение круга общения»	8,4 (-)
Семья, «большая семья», «больше времени проводить с близкими», «помочь своим детям»	3,7 (+)
«Отчуждение от социума», «социальная изоляция», «социальная невостребованность», «ненужность», «социальная несправедливость»	2,6 (-)
<i>Здоровье, система здравоохранения</i>	
Болезни, ухудшение здоровья, потеря сил, слабость, «немоощь», физическая беспомощность	12,9 (-)
Здоровый образ жизни, забота о здоровье, активный отдых, прогулки, скандинавская ходьба	3,2 (+)
Больницы, поликлиники, аптека, таблетки, лекарства, врачи, «плохое здравоохранение», «сидеть в очередях в больницах», «ездить по утрам в больницу в самый час пик с работающими людьми»	2,3 (-)
<i>Констатация неизбежности старения и смерти</i>	
Болезни, ухудшение здоровья, потеря сил, слабость, «немоощь», физическая беспомощность	12,9 (-)
Старость, старение	8,9 (-)
Смерть, «конец жизни»	2,3 (-)
Морщины, седина, потеря красоты	1,1 (-)
Боязнь «не дожить» до пенсии	0,8 (-)

Тематические блоки ассоциатов и их элементы	Частота упоминаний / модальность
<i>Отношение к работе, продолжению трудовой деятельности</i>	
Работа, «все равно придется работать»	2,9 (-)
«Нет необходимости работать», «не надо на работу», «свобода от работы»	2,8 (+)
Новые возможности, «открыть свой бизнес», «открываются новые сферы деятельности», «возможность дополнительной подработки»	0,9 (+)
<i>Пенсионный возраст как период подведения итогов, признания заслуг, передачи жизненного опыта</i>	
«Заслуги», «радость за свои достижения», «уважаемый возраст»	1,2 (+)
Жизненный опыт	0,9 (+)
«Подведение итогов», «выполненная миссия», «радость за свои достижения»	0,5 (+)
<i>«Провокативные» ассоциации</i>	
«Монако», «мотоцикл», «шампанское», «мальчики на содержании», «вечеринки»	0,8 (+)
Нет ассоциаций с жизнью на пенсии	2,2

Некоторые ассоциаты (внуки, здоровый образ жизни, ухудшение здоровья и т.д.) релевантны одновременно нескольким тематическим областям, поэтому они были отнесены к нескольким семантическим группам.

Наиболее противоречивым по модальности восприятия стал тематический блок ассоциаций «эмоциональные состояния, чувства, установки по отношению к пенсионному периоду». Здесь присутствуют как спокойствие, радость, вдохновение, принятие, так и широкий спектр негативных эмоций и установок – тревога, тоска, безысходность, апатия, страх.

Респонденты ожидают изменения конфигурации социальных связей после завершения трудовой деятельности – их основой, как предполагается, будет семья и в первую очередь внуки. Распространен страх одиночества – как в личном, так и в общесоциальном смысле: «отчуждение от социума», «социальная изоляция», «ненужность».

Негативные по модальности ассоциаты доминируют в тематических блоках «материальные условия, социальное самочувствие», «здоровье, система здравоохранения» и «констатация неизбежности старения и смерти». Основные страхи, нашедшие отражение в негативных ассоциациях, – это бедность, потеря здоровья, старение, одиночество, безысходность и отчаяние.

Позитивно окрашены ассоциаты, относящиеся к группе «свободное время, свобода как экзистенциальная ценность». Высказавших опасения, что избыток свободного времени чреват «бездельем» и «никчемностью», всего 1,1%, скуки опасаются 4,9%. Со значительно большей частотой и в позитивном ключе упоминаются те сферы жизни и занятия, которым можно посвятить освободившееся время: внуки, дача, любимое хобби, путешествия, забота о собственном здоровье, домашние дела, возможность завести собаку и т.д.

Примечателен блок «отношение к работе, продолжению трудовой деятельности». Судя по частоте встречаемости соответствующих ассоциатов, пенсия ассоциируется прежде всего с отдыхом, свободным временем, со свободой от обязательств, а не с продолжением трудовой деятельности. Ассоциации с работой упоминаются редко, вынужденная необходимость продолжать работу трактуется негативно, в отличие от долгожданной возможности «не ходить на работу». Позитивные ассоциации с новыми перспективами заработка, которые открываются в пенсионный период, возникли лишь у 0,9% респондентов.

Тематический блок «пенсионный возраст как период подведения итогов...» можно соотнести с утвердившейся в советский период парадигмой отношения к людям пенсионного возраста, которая описывается крылатой фразой «молодым – везде у нас дорога,

старикам – везде у нас почет». Ожидания, соответствующие этой парадигме, практически полностью ушли из ассоциативного поля. Крайне небольшая доля респондентов упоминает «признание заслуг» и «уважение к возрасту», ценность жизненного опыта и «выполненной миссии». Определенная апелляция к государству, на которое возлагается важная роль в символической демонстрации уважения к старшему поколению, присутствует в форме обиды в таких ассоциатах, как «социальная изоляция», «социальная невостребованность», «ненужность», «социальная несправедливость». Такие ассоциации также немногочисленны.

Обобщая содержание ассоциативного поля «жизнь на пенсии», можно сделать вывод о том, что оно в незначительной степени соответствует образу жизни на пенсии, сконструированному в концепции политики активного долголетия. Согласно структуре индекса активного долголетия, прямыми индикаторами подобного образа жизни на пенсии выступают: продолжительная занятость (до 74 лет), участие в жизни общества, включая не только уход за детьми, внуками и большими родственниками, но также волонтерскую деятельность и участие в политической жизни, независимую жизнь (физическая активность, доступ к услугам здравоохранения, независимое/самостоятельное проживание, отсутствие риска бедности, физическая безопасность, непрерывное обучение на протяжении всей жизни)⁷. Однако ожидания от жизни на пенсии, транслируемые респондентами в ассоциациях, отражают отсутствие установки на продолжение трудовой деятельности, наличие страхов бедности и утраты здоровья. Участие же в жизни общества ограничивается семьей. Такие ассоциации соответствуют низкому уровню индекса активного долголетия в нашей стране: в 2022 году он составил 36,9 из 100; в 2020–34,1⁸.

Слабую выраженность установки на продолжение трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста можно объяснить (в числе прочих факторов) ценностной трансформацией отношения к труду у россиян трудоспособного возраста. Например, как отмечает В.В. Радаев, характеризуя трудовые траектории миллениалов (1982–2000 г.р.), а значительная часть респондентов может быть отнесена именно к этому поколению, у них зачастую отсутствует «зацикленность» на профессиональной карьере, они склонны выстраивать более выверенный баланс труда и внетрудовой жизни с полноценным досугом [Радаев, 2020: 33]. В результате выход на пенсию воспринимается именно как период не только и не столько для работы, а как время для себя. Отмеченная тенденция заострена у представителей движения FIRE – «финансовая независимость и ранняя пенсия» [Слащина, 2021: 139–142]. Стремление молодых людей сделать сбережения на будущее направлено на то, чтобы побыстрее прекратить трудовую деятельность и посвятить себя тому, что доставляет удовольствие (отдыху, путешествиям, творческим проектам и всему тому, что откладывалось «на потом» из-за нехватки времени и необходимости зарабатывать).

Хотя в ответах респондентов слабо выражена ориентация на принципы активного долголетия, в них можно увидеть отчетливо выраженный социальный запрос на поиск новых ценностных ориентиров пенсионного периода жизни в условиях современного российского социума. Советская парадигма отношения к старости ушла, отчасти заимствованы элементы западной концепции третьего возраста, однако присутствует и определенный «дефицит смыслов» при очевидной потребности в их обнаружении. Определенная часть россиян готова опираться на индивидуальные ресурсы и семью, но немало тех, кто испытывает страх, ощущает неопределенность, отчаяние при мысли о пенсии. Напомним, что у 2,2% респондентов вообще нет ассоциаций с понятием «жизнь на пенсии». Есть очевидный запрос на социальные гарантии, предсказуемость, осознание внятной жизненной перспективы, понимание социальной и индивидуально-личностной ценности пенсионного возраста.

⁷ Индекс активного долголетия. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_7-10.xlsx (дата обращения: 04.03.2024).

⁸ Индекс активного долголетия. ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/62499> (дата обращения: 20.03.2024).

Социальный контекст и факторы формирования ассоциативного образа «жизни на пенсии». Для выявления причин формирования ассоциативного образа жизни на пенсии важен социальный контекст. Ролевая модель старения формируется на основе осознания опыта старших поколений, под влиянием СМИ. Наличие у значительной части респондентов позитивной ролевой модели старения подтверждает распределение ответов на вопрос «Есть ли в Вашем окружении люди, глядя на которых кажется, что “стареть не страшно”?». На то, что такие люди есть, указали 54,1% респондентов, хотя при этом 7,4% не смогли назвать конкретного человека, отвечая на уточняющий вопрос, кто эти люди (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на открытый вопрос «Кто люди, глядя на которых кажется, что “стареть не страшно”, назовите их», в % от количества опрошенных

Варианты	Доли ответов
Старшие родственники: родители, бабушки, дедушки, свекровь	27,1
Друзья, подруги, знакомые	7,5
Коллеги	5,2
Знаменитости	3,4
Президент РФ В.В. Путин	1,1
Начальник, руководитель на работе	0,8
Учителя, преподаватели из университета	0,8

Референтные образцы, под влиянием которых формируются представления о жизни на пенсии, находятся преимущественно в зоне непосредственного социального окружения, причем частота упоминаний снижается по мере увеличения социальной дистанции. Яркие примеры знаменитостей вдохновляют лишь 3,4%. В первую очередь респонденты готовы принимать во внимание опыт близких людей, главным образом – старших родственников, опираться на реальные жизненные примеры, искать ориентиры среди тех людей, с которыми знакомы лично. Можно предположить, что позитивная ролевая модель старения в настоящее время конструируется не посредством СМИ и интернет-среды, а скорее является продуктом жизненных наблюдений, осознания релевантного социального опыта теми, кто разделяет такую модель.

Ассоциативный образ жизни на пенсии является результатом совмещения по крайней мере двух проекций: первая состоит в том, как видится жизнь на пенсии из наблюдений за родственниками, знакомыми, а вторая – в картине или образе личного будущего. Некоторую информацию о том, в каком возрасте перспективу выхода на пенсию респонденты начинают «пробовать на себя», рассматривать не со стороны, а как реальную жизненную перспективу, дает распределение ответов на закрытый вопрос «Планируете ли вы свою жизнь на пенсии?» в разбивке по половозрастным группам. Возрастом определенного «сдвига» можно считать возрастной диапазон 46–51 год у женщин и 46–56 лет у мужчин. Именно к этому возрасту планируют свою жизнь на пенсии 16,7% женщин и 14,9% мужчин, а еще 28,8 и 46,3% соответственно начинают об этом задумываться [Киселев и др., 2024].

В распределении ассоциатов, относящихся к ядру ассоциативного поля «жизнь на пенсии», можно отметить значимые возрастные сдвиги (табл. 4). Особенно выраженные различия наблюдаются между респондентами 18–35 лет и предпенсионерами.

У молодежи образ жизни на пенсии содержит страхи, связанные с наступлением старости и утратой здоровья, бедностью из-за маленькой пенсии. По мере взросления эти страхи становятся менее актуальными и почти утрачивают значимость в предпенсионном возрасте. Полученные результаты в целом согласуются с данными других исследователей, зафиксировавших более негативное отношение к старению в ранней взрослости по сравнению со средней [Кънева, 2016], доминирование в представлениях молодежи ассоциативной связи

Таблица 4

Распределение отдельных ассоциатов ядра ассоциативного поля стимула «жизнь на пенсии» у мужчин и женщин, в % от возрастных групп

Ассоциаты	Возраст респондентов, лет											
	мужчины						женщины					
	18-25	26-35	36-45	46-56	57-62	Всего	18-25	26-35	36-45	46-51	52-57	Всего
Спокойствие	13,8	16,7	15,4	19,4	13,6	15,8	19,7	12,5	7,4	24,2	16,1	16,0
Бедность	16,9	13,6	16,9	13,4	16,9	15,5	21,2	26,6	22,1	22,7	12,9	21,2
Отдых	13,8	12,1	16,9	20,9	18,6	16,5	24,2	15,6	16,2	30,3	16,1	20,6
Свободное время	16,9	13,6	13,8	10,4	16,9	14,3	22,7	23,4	16,2	16,7	24,2	20,6
Внуки	12,3	21,2	9,2	20,9	23,7	17,1	13,6	18,8	22,1	16,7	17,7	17,8
Дача, огород	7,7	12,1	15,4	16,4	20,3	14,3	10,6	6,3	14,7	12,1	14,5	11,7
Болезни, ухудшение здоровья	18,5	6,1	12,3	7,4	8,5	10,6	6,1	21,9	23,5	12,1	9,7	14,7
Хобби	7,7	4,6	4,6	10,4	3,4	6,2	10,6	3,1	10,3	15,1	11,3	10,1
Свобода	6,2	6,1	16,9	9,0	6,8	9,0	9,1	9,4	19,1	10,6	22,6	14,1
Старость	12,3	13,8	9,2	9,0	3,4	9,6	12,3	9,4	8,8	3,0	8,1	8,3
Одиночество	9,2	12,1	3,1	7,4	8,5	8,1	13,6	7,8	7,4	1,5	9,7	8,0
Путешествия	4,6	7,6	4,6	6,0	11,9	6,8	6,1	6,3	11,8	9,1	6,5	8,0
Страх	3,1	10,6	6,2	6,0	8,5	6,8	4,5	3,1	8,8	1,5	4,8	4,3
Безысходность	3,1	7,6	6,2	3,0	6,8	5,3	1,5	1,6	2,9	1,5	6,5	2,7
Тревога	0,0	1,5	3,1	6,0	6,8	3,4	4,5	7,8	2,9	7,6	1,6	4,9
Маленькая пенсия	10,8	3,0	9,2	9,0	1,7	5,9	4,5	1,6	2,9	6,1	3,2	3,7

Примечание. Заливкой отмечены ячейки с самыми высокими частотами соответствующих ассоциатов.

старения с его физиологическими проявлениями [Бобылева, 2015]. Отмеченные особенности восприятия старости наблюдаются и в исследовании, проведенном в Республике Беларусь [Татарко, 2018]. В то же время образ жизни на пенсии, изученный по французской выборке, характеризуется более выраженной позитивной коннотацией, в том числе и у молодежи [Чуйкова, Полькина, 2012].

Можно предположить, что возрастные различия в конструировании образа жизни на пенсии найдут отражение и в разных паттернах проживания пенсионного возраста. Страх молодежи относительно бедности и утраты здоровья в старости могут мотивировать подготовиться к выходу на пенсию с точки зрения финансового планирования и здоровьесбережения, что позволит приблизиться к реализации принципов политики активного долголетия в зрелом возрасте. Однако в ожиданиях предпенсионеров старость, проблемы со здоровьем и сокращение финансовых возможностей рассматриваются как «естественные» для жизни на пенсии. Как следствие, не возникает стремления изменить ситуацию.

Кроме того, зафиксированы некоторые различия по полу. Выявлено, что женщины несколько чаще ассоциируют жизнь на пенсии с бедностью, свободным временем и свободой, болезнями и ухудшением здоровья, хобби, в то время как мужчины – с дачей и огородом, страхом и безысходностью.

Различия в распределении ассоциатов по подгруппам, выделенным в соответствии с самооценкой материального положения респондентов, носят более выраженный характер (табл. 5). Вполне ожидаемо, что ассоциируют пенсию с путешествиями представители двух самых обеспеченных подгрупп, а с безысходностью и с маленькой пенсией – наоборот, представители наименее обеспеченной группы. Страх бедности присущ респондентам с разной

Распределение отдельных ассоциатов ядра ассоциативного поля стимула «жизнь на пенсии» по самооценке материального положения, в %

Ассоциаты	Самооценка материального положения					
	денег не хватает даже на питание	на питание денег хватает, но не хватает на одежду и обувь	на одежду и обувь хватает, но не хватает на крупную бытовую технику	на крупную бытовую технику хватает, но не можем купить новую машину	на новую машину денег хватает, но не можем купить квартиру или дом	материальных затруднений не испытываем
Спокойствие	0,0	3,6	11,7	13,6	15,9	9,0
Бедность	21,4	16,4	19,9	18,8	27,3	11,5
Отдых	21,4	5,5	19,5	18,8	11,4	29,5
Свободное время	21,4	14,5	21,5	20,4	6,8	9,0
Внуки	7,1	30,9	13,3	19,9	22,7	15,4
Дача, огород	0,0	14,5	13,7	18,8	15,9	15,4
Болезни, ухудшение здоровья	7,1	21,8	14,1	8,4	6,8	9,0
Хобби	0,0	5,5	5,1	16,8	11,4	11,5
Свобода	14,3	3,6	11,7	16,8	18,2	14,1
Старость	7,1	9,1	7,4	9,4	6,8	11,5
Одиночество	0,0	12,7	11,3	6,3	4,5	3,8
Путешествия	0,0	1,8	4,7	5,2	20,5	20,5
Страх	0,0	3,6	5,5	6,8	2,3	5,1
Безысходность	14,3	7,3	5,5	3,1	0,0	5,1
Тревога	0,0	3,6	6,6	3,1	4,5	1,3
Маленькая пенсия	14,3	7,3	6,6	3,7	2,3	1,3

Примечание. Заливкой отмечены ячейки с самыми высокими частотами соответствующих ассоциатов.

самооценкой материального благосостояния, своего максимума он достигает в группе тех, кому хватает денег на новую машину, но не хватает на квартиру или дом. В группе самых обеспеченных – тех, кто не испытывает материальных затруднений, – страх бедности резко снижается. Если сопоставить распределение ассоциатов «бедность» и «маленькая пенсия», то можно предположить, что для бедных и среднеобеспеченных это скорее синонимичные ассоциаты, а представители более обеспеченных слоев вообще не склонны рассматривать пенсию как основной источник дохода в старости.

В целом, как и следовало ожидать, высокий материальный достаток создает более благоприятный контекст восприятия старости и образа жизни на пенсии.

Выводы. Анализ социального восприятия пенсионного периода жизни методом свободных ассоциаций указывает на внутреннюю противоречивость и амбивалентность ассоциативного образа жизни на пенсии. Наиболее частые ассоциации – это стремление к отдыху, свободе, спокойной жизни при высокой неопределенности и тревоге, связанных, прежде всего, со страхом бедности, ухудшения здоровья, старения и смерти. Содержательные противоречия (точнее, фрагментарность) можно увидеть в соединении, с одной стороны, таких традиционных элементов образа жизни на пенсии, как внуки, дача, огород с ценностями, с другой стороны, индивидуальной свободы, отдыха, «времени для себя», путешествиями. Наиболее яркий контраст с содержанием концепции активного долголетия состоит в нежелании продолжать

активную трудовую деятельность на пенсии⁹, в стремлении к отдыху, спокойной и размеренной жизни. И в ядерной, и периферийной группах есть ряд ассоциатов, которые указывают на высокий уровень неопределенности, тревоги, страха перед перспективой выхода на пенсию. Такая противоречивость ассоциативного образа жизни на пенсии обусловлена, прежде всего, тем, что он видится россиянам через призму индивидуальных жизненных приоритетов и установок.

Наряду с внутренней противоречивостью выявленный ассоциативный образ жизни на пенсии характеризуется стереотипизированностью, устойчивостью и воспроизводимостью в разных возрастных когортах россиян трудоспособного возраста. На эти особенности указывает высокая плотность ассоциативного ядра и отсутствие значимых различий в распределении ассоциатов по возрастным подгруппам.

При попытке представить свою жизнь на пенсии рамки референтности задаются главным образом собственным окружением респондентов. Именно здесь обнаруживаются позитивные ролевые модели старения, которые воспринимаются как «жизненные», «реализуемые на практике».

Итак, на сегодняшний день восприятие перспективы жизни на пенсии как благоприятной или неблагоприятной обусловлено прежде всего индивидуальным ресурсом респондента – материальными возможностями, состоянием здоровья, личностными установками. Можно констатировать, что принцип личной ответственности за свою жизнь как часть концепции активного долголетия утвердился в сознании многих россиян. В наиболее оптимистическом варианте жизнь на пенсии видится как «кусочек жизни для себя», которым хотелось бы распорядиться по собственному усмотрению. В ассоциативном образе жизни на пенсии минимально упоминаются ассоциаты, тем или иным образом связанных с государством. В целом россияне не стремятся к долгосрочному планированию жизни на пенсии, причем нежелание заранее готовиться к выходу на пенсию не связано с упованием на государство. Можно предполагать, что оптимистичное видение перспективы собственной жизни на пенсии определенным образом формирует социальные установки и систему ценностей безотносительно к конкретному возрастному периоду, сочетается с осознанием ценности жизни в любом возрасте.

Исходя из содержания ассоциативного поля стимула «жизнь на пенсии», можно сделать вывод о целесообразности «работы со смыслами», которая должна состоять во взаимном согласовании программных установок, транслируемых государством, с укоренившимися в сознании работающих россиян представлениями о жизни на пенсии. По сути, речь идет о своего рода новом «социальном контракте» между конкретным человеком, семьей, обществом и государством, предметом которого является взаимная ответственность, права и обязанности сторон относительно пенсионного периода жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 34–55.
- Бобылева Е.В. Индивидуально-психологические особенности представлений о старости у людей разного возраста // Психология XXI века: академическое прошлое и будущее. Мат. междунар. науч. конф. мол. уч. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 28–30.
- Киселев И.Ю., Михайлова Е.В., Смирнова А.Г. Установки россиян на подготовку к выходу на пенсию: содержание и факторы формирования // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 24–34.
- Кънева И.М. Отношение к старению людей в ранней взрослости // Психология XXI века: российская психология в контексте мировой науки. Материалы международной конференции молодых ученых. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 70–71.

⁹ Метод свободных ассоциаций выявил скорее негативное восприятие продолжения трудовой деятельности на пенсии как «вынужденной практики». В то же время, по результатам настоящего исследования, отвечая на вопрос «Планируете ли вы работать после выхода на пенсию?», 61,3% респондентов высказали намерение продолжить работать.

- Ляликова С.В., Назарова И.Б., Карпова В.М. Особенности восприятия пожилых людей в российском обществе // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 106–117.
- Новиков К., Быканова Д. Ценности пожилых и политические последствия глобального старения населения // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 3. С. 153–180.
- Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 4. С. 31–60.
- Рушева А.В. Конкурентоспособность работников старшего поколения // Старшее поколение современной России / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 349–354.
- Саралиева З.Х. Межпоколенные внутрисемейные отношения: ответственность старшего поколения // Старшее поколение современной России. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 7–30.
- Слащинуна А.П. Феномен «young retiree» как отражение ценностных ориентаций современной молодежи // Человек в информационном обществе: сб. мат. науч.-практич. междунар. конф., посвященной 60-летию полета в космос Ю.А. Гагарина, Самара, 28–30 апреля 2021 г. Самара: Самарс. ун-т., 2021.
- Татарко К.И. Социальные установки относительно старости и ее предпочтительный образ в период ранней взрослости // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/278/563> (дата обращения: 11.03.2024).
- Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии (введение). М.: NOTABENE, 1999.
- Татарова Г.Г., Чиркова А.В. Здоровьесберегающее поведение молодежи: формирование типобразующих признаков методом неоконченных предложений // Социологическая наука и социальная практика. 2024. № 1. С. 25–61.
- Чуйкова Т.С., Полькина Т.М. Изучение социальных репрезентаций, связанных с выходом на пенсию: кросс-культурное сравнение // Социальная психология и общество. 2012. № 3. С. 89–102.

Статья поступила: 27.03.24. Финальная версия: 29.04.24. Принята к публикации: 13.05.24.

ASSOCIATIVE IMAGE OF “LIFE IN RETIREMENT” AS AN ELEMENT OF SOCIAL CONCEPTUALIZATION OF THE PENSION PERIOD BY RUSSIANS IN WORKING AGE

KISELEV I. Yu.*, MIKHAILOVA E.V.*, SMIRNOVA A.G.*

*Demidov Yaroslavl State University, Russia

Igor Yu. KISELEV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Chair (igkisselev@mail.ru); Elena V. MIKHAILOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (nmev.649@mail.ru); Anna G. SMIRNOVA, Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. (agsmirnova2001@mail.ru). All – Chair of Sociology, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russia.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the internal initiative project (VIP) of Yaroslavl State University “Labor, financial, health-saving strategies of representatives of different age groups in the context of reforming the pension system in Russia” (project VIP-020).

Abstract. The associative field of the stimulus “life in retirement” was obtained by the method of free associations during sociological study conducted in April – June 2023 by employees of the Department of Sociology of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. This sociological study, titled “Labor, financial, health-saving strategies of representatives of different age groups in the context of reforming the pension system in Russia”, N = 652 people, deals with the residents of the Yaroslavl region in the working age. The semantic focus here is an analysis of the associative image of “life in retirement” as an aspect of the social conceptualization of personal future. The identified associative dominants are correlated with the principles of active longevity, a shared attitude towards preparing for retirement, and are considered in the context of such factors as gender, age, level of material well-being, and reference models of aging. The associative image of “life in retirement” is characterized by meaningful and emotional-evaluative ambivalence. Significant positions in the core of the associative field are occupied by associates, connected with personal existential values: “calmness”, “rest”, “time for yourself”; there is a significant proportion of mentions of “traditional” associates of life in retirement: “grandchildren”, “dacha”, “illness”, “aging”, “useful hobby”. It is noted that the perception of the prospects for life in retirement as favorable or unfavorable is determined primarily by individual resources, including material capabilities, age, and personal attitudes. A conclusion is made about the insignificant, fragmentary correspondence of the associative way of life in retirement with the postulates of the active longevity concept; the most obvious contrast is reluctance to continue working upon reaching the retirement age.

Keywords: associative image, associate, associative field, the method of free associations, lifestyle in retirement, concept of active aging policy, aging models.

REFERENCES

- Barsukov V.N., Kalachikova O.N. (2020) The Evolution of Demographic and Social Construction of the Age of "Old Age". *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 13. No. 1: 34–55. (In Russ.)
- Bobyleva E.V. (2015) Individual psychological features of ideas about old age in people of different ages. In: *Psychology of the XXI century: Russian Psychology in the context of world science*. Mat. of the intern. conf. of young scient. St. Petersburg: Skifia-print: 28–30. (In Russ.)
- Chuykova T.S., Polkina T.M. (2012) Social representations of retirement: cross cultural comparison. *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. No. 3: 89–102. (In Russ.)
- Kiselev I. Yu., Mikhailova E.V., Smirnova A.G. (2024) Russians' attitudes regarding preparation for retirement: its content and formation factors. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 24–35. (In Russ.)
- Kneva I.M. (2016) Attitude to the aging of people in early adulthood. In: *Psychology of the XXI century: Russian Psychology in the context of world science*. Mat. of the inter. conf. of young scient. St. Petersburg: Skifia-print: 70–71. (In Russ.)
- Lyalikova S.V., Nazarova I.B., Karpova V.M. (2023) Features of elderly people perception in russian society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 106–117. (In Russ.)
- Novikov K., Bykanova D. (2017) The values of the elderly and political consequences of the global aging of the population. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 4. No. 3: 153–180. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2020) The divide among the millennial generation: historical and empirical justifications. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 26. No. 4: 31–60. (In Russ.)
- Rushev A.V. (2021) Competitiveness of older generation workers. In: *The older generation of modern Russia*. Ed. by of Z.H. Saraliev. N. Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo: 349–354. (In Russ.)
- Saraliev Z.H. (2022) Intergenerational intra-family relations: responsibility of the elder generation. In: *The older generation of modern Russia*. N. Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo: 7–30. (In Russ.)
- Slashchinina A.P. (2021) The phenomenon of «young retire» as a reflection of value orientations of today's youth. In: *Man in the Information Society: a collection of materials from the scientific and practical international conference dedicated to the 60th anniversary of Yuri Gagarin's space flight*, Samara, April 28–30, 2021. Samara: Samars. un-t. (In Russ.)
- Tatarko K.I. (2018) Attitudes towards old age preferred image in early adulthood. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological research] Vol. 11. No. 60. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/278/563> (accessed: 11.03.2024). (In Russ.)
- Tatarova G.G. (1999) *Methodology of data analysis in sociology*. Moscow: NOTABENE. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Chirkova A.V. (2024) Health behavior of young people: formation of typological attributes using the sentence completion method. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [The Journal Sociological Science and Social Practice]. No. 1: 25–61. (In Russ.)

Received: 27.03.24. Final version: 29.04.24. Accepted: 13.05.24.